

Покинув шумную улицу Дихуа, они продолжили путь на север.

Миновав затененную кирпичную дорожку, путники вышли на простор.

Вдали, на самом севере, высились Горы Цанъи.

Если взглянуть вдаль, горные пики тонули в дымке, облака рассеялись после дождя, крутые склоны поражали величественной высотой, а густые кроны деревьев пестрели сочной зеленью. Там водилось дикое зверье и росло бесчисленное множество целебных трав. В народе не зря говорили: живешь у горы — кормишься от горы. Горы Цанъи поистине были огромной сокровищницей.

Горы Цанъи тянулись с севера на юг. Если смотреть со стороны Гу Ечэна, у самого подножия лепилось множество черепичных домов — то тесно прижимаясь друг к другу, то разбросанных в беспорядке. Это была большая деревня.

Между деревней и Гу Ечэном пролегала широкая река Цяньшуй.

Через реку был перекинут длинный Узкий бамбуковый мост, по которому сельчане ходили в город и обратно.

Гу Ечэн вслед за Сюй Фэнлинем ступил на бамбуковый мост.

Зеленые горы, чистые воды, щебетание птиц, простор вокруг, буйство цветов и трав... Казалось, в самом воздухе витала духовная энергия, и каждый вдох и выдох наполняли тело удивительной легкостью.

Гу Ечэн почувствовал себя безмятежным и счастливым: поистине благодатное место, земной бессмертный рай. Прожить всю жизнь в таком краю — значит не зря родиться на свет.

Сойдя с моста, они ступили на узкую каменную лестницу, которая змеилась вверх.

Мужчины поднимались по ступенькам, то и дело поворачивая, и преодолев около трехсот ступеней, вышли к просторному уединенному двору.

Широкий участок был огорожен плетеным забором, по которому густым ковром ползла лиловый вьюнок, а его листья теснились ряд за рядом.

Меж ними пестрели мелкие розовато-голубые цветы. Этот сорт вечнозеленой лианы отпугивал змей, насекомых и комаров — растение удивительно декоративное и практичное одновременно, вот только оно требовало невероятного количества воды и постоянного обильного полива. За ним было легко ухаживать, но в то же время хлопотно.

Чтобы вырастить лиловый вьюнок на столь огромной площади, нужно было приложить немало труда. Ни в одном другом дворе по пути они не видели столь масштабных зеленых насаждений.

Приблизившись и приглядевшись, Гу Ечэн заметил у самого основания забора аккуратно выкопленные узкие канавки шириной около четырех дюймов. С первого взгляда было ясно, что они служат для отвода воды и полива — хлопотный и трудоемкий метод, зато один раз на века.

Гу Ечэн мысленно восхитился: ...Гениально...!

Толкнув калитку из прутьев, Сюй Фэнлинь быстрыми шагами направился к дому:

— ...Маньчжи! Фань-фань!...

Гу Ечэн остановился во дворе, и его сердце забилося тревожно и неровно: тук-тук-тук. Он напрягся всем телом — в нем смешались волнение и ожидание...

Сюй Фаньсинь! Он прямо в этом доме!!

Сюй Фэнлинь вышел обратно с озадаченным лицом:

— Тьфу ты, странно! Еще голубиной почтой весточку отправил... мол, в семье скоро прибавление, прибудет примерно сегодня, почему же не ждут дома?

— Куда это они запропастились среди бела дня?

Вскоре между главным зданием и левым флигелем послышался какой-то шум. Между ними проходил проход шириной в восемь футов, и звуки доносились как раз оттуда, из боковой калитки в заборе.

Отодвинув засов, вошла женщина потрясающей красоты с деревянным тазом в руках, в котором лежали благовонное мыло и бруски бобовой золы.

— Маньчжи!

При звуке знакомого голоса женщина замерла с рукой на засоре и обернулась во двор.

— Супруг мой...

У женщины покраснели глаза, и она бросилась к нему, вздымая складки длинного платья.

Сюй Фэнлинь одной рукой перехватил таз и водрузил его на стоявшую рядом подставку, а другой заключил женщину в объятия, прижав к себе.

Гу Ечэн вовремя напустил на себя простодушный и послушный вид.

— ...А это Чэн-эр, Гу Ечэн.

Сюй Фэнлинь, все еще держа Хуа Маньчжи за руку, представил ей Гу Ечэна.

— Здравствуй, тетушка, — поприветствовал ее Гу Ечэн.

Теперь он смог получше рассмотреть лицо Хуа Маньчжи: по меньшей мере на семь частей оно было схоже с лицом Сюй Фаньсиня.

Сюй Фаньсинь был мужчиной — выше ростом, худее, и в нем не было такого цветущего здоровья и полноты сил, как у Хуа Маньчжи, ведь тот годами пил лекарства.

В глазах Хуа Маньчжи светилась мягкость:

— Здравствуй, здравствуй, Ечэн. Отныне это твой дом, чего бы ни не хватало, в чем бы ни нуждался — только скажи мне...

Улыбка Хуа Маньчжи была прекрасна. Такая красавица подошла бы для императорских покоев во внутренних дворцах, но ее появление в заброшенной горной деревушке казалось несколько странным.

— Если Фаньсинь узнает, что в доме появится такой красивый старший брат, он до смерти обрадуется...

— Эй, а куда это сын подевался? — Сюй Фэнлинь не видел мальчика уже полмесяца.

Хуа Маньчжи с легким шутливым упреком в голосе покачала головой:

— Пошел с Фэнсюем играть... Утащил новую игрушку, которую ему прислал приемный отец, и они с Фэнсюем так увлеклись!.. Пока не позовешь — к обеду не дозовешься.

— Фэнсуй... это еще кто? — Сюй Фэнлинь услышал незнакомое имя.

— Сын тех соседей, что недавно переехали на северную окраину. Фамилия Лю, он старше Фаньфаня на два-три года.

Это он! Лю Фэнсуй?! — задумался Гу Ечэн.

— Ах, пойду-ка я стряпать. Все уже вымыто и нарезано, дело быстро пойдет, — проговорила Хуа Маньчжи, принимаясь завязывать фартук и повязывать головной плат, чтобы не пропитаться кухонным чадом. — Вы, мужчины, ступайте отдохните пока. В гостиную заварной чайник на углях преет, должен быть еще горячим.

Сюй Фэнлинь провел Гу Ечэна в гостиную главного дома, объяснил, где стоят чайник и чашки, а затем сказал:

— Пойду позову твоего младшего брата домой...

С этими словами он прихватил пойманную накануне вечером рыбу и отнес ее Хуа Маньчжи на кухню.

Его дух воспрянул однажды, ослабел во второй и угас бы в третий, но даже услышав имя Сюй Фаньсиня, Гу Ечэн чувствовал лишь легкую дрожь в душе — теперь это волнение было не так уж трудно обуздать.

Гу Ечэн оглядел комнату. Снаружи дом выглядел просто и безыскусно, под обычной серой черепицей, но убранство внутри оказалось далеко не простым.

И дело было вовсе не в роскоши и богатстве, а в том, что за внешней простотой скрывалась величайшая искусственность.

К примеру, столы, стулья, подставки для цветов, чайные столики — вся мебель была изготовлена из обыкновенной камфорной древесины, а фасоны имели самые незатейливые. Вся

суть крылась в деталях: края были скруглены с невероятно плавным радиусом, а поверхности — безупречно отполированы. Везде, даже на самых незаметных глазу участках, чувствовалась столь тонкая и кропотливая работа, покрытая множеством слоев лака, отчего от дерева исходило легкое матовое сияние, превращавшее обычную мебель в нечто особенное.

Чайный сервиз был из простого белого фарфора, без единого узора, но круглый, гладкий, сдержанно-изысканный и вымытый до кристального блеска.

На полу лежала вовсе не привычная простому народу земля или кирпич: приглядевшись, Гу Ечэн понял, что это квадратные плитки грубого синеватого фарфора размером два на два фута, подогнанные друг к другу швов в шов и начисто вытертые.

Вещей в комнате было мало, но все они дышали изяществом. Обычные простонародные жилища всегда захламлены всяким старьем и ненужным хламом... который тем не менее жалко выбросить.

Жизнь простолюдинов трудна, они привыкли думать о завтрашнем дне и делать запасы на черный день, так что в этом не было ничего странного. А вот дом его дяди как раз являлся исключением из правил...

Повернув голову на запад, он заметил отгороженную перегородкой уютную комнатку, служившую мини-кабинетом. Ее отделял сплошной книжный шкаф, уставленный самыми разными фолиантами. Внутри стояли письменный стол и стул.

На гладкой столешнице имелись все необходимые принадлежности — все содержалось в идеальном порядке, чистоте, с изысканным вкусом, а в воздухе едва уловимо витал аромат туши.

Простота, в которой таилась такая красота, исторгнула у Гу Ечэна восхищенный вздох. Уж это точно не было тем бедным краем, о котором говорил Гу Наньфэн!

Вернувшись в гостиную, Гу Ечэн взял чайник и налил себе чашку чая. Тот был еще горячим, он поднес чашку к губам и слегка подул. Поднимавшийся парок окутал его брови и глаза, а на переносице залегла едва заметная складка густых черных бровей — казалось, на душе у него было вовсе не так спокойно.

Во дворе слышался шум.

Гу Ечэн: ...Ого! ...Идут!!

Сюй Фэнлинь затащил во двор маленького ребенка. Верно, именно затащил.

Малыш выглядел крайне упрямо: пухлые щеки надуты, личико обиженно скривилось, а сам он отворачивался, наотрез отказываясь поворачиваться к гостю лицом.

Гу Ечэн тут же поднялся. Старшие стояли, а сидеть в их присутствии было бы верхом неуважения — этому правилу его в прошлой жизни учили с помощью палки.

Сюй Фэнлинь не был занудным книжником и никогда не придирался к мелочам, но в вопросах базовой этики проявлял железную непреклонность.

В этот момент Хуа Маньчжи внесла на подносе еду: два мясных блюда, два овощных и горшочек с прозрачным супом.

Они вымыли руки и сели за стол.

Небольшой круглый столик из камфорного дерева вмещал ровно четверых: Сюй Фэнлинь сидел напротив Гу Ечэна, а Хуа Маньчжи — напротив Сюй Фаньсиня.

Сюй Фэнлинь наклонился к сыну:

— Фань-фань, когда это у тебя зубик выпал? А ну-ка... дай папа посмотрит.

Сюй Фаньсинь отвернул личико:

— А-а-а! — и послушно раскрыл алый ротик, показывая отцу.

В поле зрения поднявшего взгляд Гу Ечэна Сюй Фэнлинь протянул указательный палец и осторожно потрогал пустую десенку ребенка.

— Выпал недели семь-восемь назад... В тот день на заднем дворе... он вызвал на бой того большого петуха, задирает его и дразнит, и прямо во время крика... зубик сам собой и выскочил изо рта! Петух тут же клюнул его и убежал, а Фань-фань с воплями бросился в погоню... — Хуа Маньчжи заговорила напевным цзяннаньским диалектом и, рассказывая, звонко рассмеялась.

— И чего ты за ним побежал? — между делом спросил Сюй Фэнлинь. За семейным столом у них не было правила молчать во время еды.

— ...Жалко же расставаться с восьмилетней дружбой с этим зубом...

Оба родителя переглянулись и весело рассмеялись.

Сюй Фаньсинь никак не отреагировал на бессердечные насмешки матери и отца.

Он продолжал усердно набивать рот рисом, исподлобья бросая косые взгляды белых глазок на сидевшего рядом Гу Ечэна, источая неприязнь и всем видом показывая свое нежелание видеть гостя.

Гу Ечэн опустил ресницы, сосредоточившись на еде, и с аппетитом уплетал угощение.

Раз Сюй Фаньсиню было от этого плохо, значит, самому Гу Ечэну было хорошо.